

УДК93/94, 094.2

**НАЧАЛО СРЕДИЗЕМНОМОРСКОЙ ТОРГОВЛИ РОССИИ
(К 250-ЛЕТИЮ ЗАКЛЮЧЕНИЯ КЮЧУК-КАЙНАРДЖИЙСКОГО ДОГОВОРА)**

© 2024 Е.П. Кудрявцева

Институт российской истории РАН

Статья поступила в редакцию 19.02. 2024

Черноморская торговля имела исключительно важное значение для развития экономики российского государства после присоединения Крыма и Северного Причерноморья. После того, как Россия заключила первые торговые договоры с Францией, Турцией, Италией и Республикой Семи соединенных островов, черноморская торговля получила новые возможности. Успех дальнейшего развития черноморской торговли во многом зависел от строительства кораблей, которое вышло на новый уровень после учреждения новых портов в Крыму и Приазовье. Главным торговым партнером России оставалась Османская империя несмотря на то, что все большая роль в торговле принадлежала православной Греции и островам Архипелага. После того, как в 1830 г. Греция получила независимость, обмен стал развиваться и с этим государством, торговые корабли которого издавна перевозили русские товары, а ее мореплаватели считались наиболее опытными на всем пространстве Средиземноморья.

Ключевые слова: Черное море, торговля, Крым, порты, Турция, Средиземноморье.

DOI: 10.37313/2658-4816-2024-6-2-83-91

EDN: GQVEZ

После заключения Кючук-Кайнаджийского мира в 1774 г. и присоединения Крыма в 1783 г. для России открылись широкие возможности по строительству торговых и военных портов на побережье Черного моря, обретения нового черноморского флота и ведения торговли через Проливы со странами Средиземноморья. В конце XVIII в. Российская империя не обладала собственным торговым и военным флотом на Черном море. Торговые операции велись на турецких и греческих кораблях, которые свободно проникали к южнорусским берегам и налаживали торговлю товарами, в которых были заинтересованы итальянские, французские и турецкие купцы. Тогда же иностранные коммерсанты начали учреждать свои торговые дома в Одессе и Таганроге¹.

В рескрипте императрицы Екатерины II послу России в Великобритании И.М. Симолину от

Кудрявцева Елена Петровна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник. ORCID: 0000-0002-6036-9104. E-mail: demetr22@mail.ru

26 марта 1784 г. говорилось о том, что «для всех с империей нашей в дружбе пребывающих народов» в Крыму открыты пристани в Херсоне, Феодосии и Севастополе. Объявлялось также, что к этим «пристаням» дозволено плавание «всем народам», которым торговля с Россией предоставляет выгоды. Екатерине II приписывались слова о том, что «русская торговля может процветать только тогда, когда будет производиться через юг». Выгодность ее была очевидна для Средиземноморских стран. В Ст. VII Ясского договора о вечном мире и дружбе России и Турции, заключенного 29 декабря 1791 г., о взаимной торговле говорилось как о залого доброго согласия между державами. Новые черноморские порты в Крыму служили не только военными форпостами и крепостями, но и должны были выполнять функции торговых пунктов, связь с которыми через Черноморские проливы была наиболее удобной и выгодной.

Иностранные торговые компании с большим воодушевлением встретили российских

купцов в своих портах. Французское правительство объявило о готовности освободить русские суда от некоторых платежей и о льготах своим купцам, ведущим торговлю с портами в Черном море². Заинтересованность в прямых связях выказали купцы из Венеции, Генуи и Ливорно, поскольку до этого времени торговые операции велись через Лондон и Гамбург. В 1783 г. был подписан очередной торговый договор с Турцией, в 1787 г. – договоры с Королевством Обеих Сицилий и Францией, в 1785 г. – с Австрией³. Европейское и российское купечество выдвигало программы развития российской торговли и создания торговых домов в Одессе и Таганроге. Несмотря на достаточно быстрый рост иностранного присутствия, это были лишь первые шаги черноморской торговли, которая в 80-х гг. не могла конкурировать с балтийской⁴. Львиная доля торговых контактов приходилась на русско-турецкие коммерческие связи.

Русско-турецкие войны значительно ослабляли торговую деятельность на Черном море или приостанавливали ее совсем. Однако она всякий раз быстро восстанавливалась после подписания мирных договоров между Османской империей и Россией. Очередное осложнение русско-турецких политических и коммерческих отношений последовало после поражения турецко-египетского флота в Наваринском сражении 1827 г.

УЧРЕЖДЕНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОМИССИИ ПО РАССЛЕДОВАНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ТУРОК НА МОРЕ

Обострение русско-турецких отношений, в 1827 г. приведшее к военному столкновению флотов в Наваринской бухте, породило новые сложности в черноморской торговле – коммерческие суда, подвергавшиеся притеснениям турецких властей с началом Греческой революции, но продолжавшие ходить по Средиземноморскому бассейну, подверглись новым нападениям и разорению со стороны турок. В начале 1828 г. по высочайшему повелению в Одессе были учреждены Комиссия и Комитет по расследованию требований российских подданных к Порте за понесенные убытки на море⁵. Новороссийский

генерал-губернатор М.С. Воронцов получил указание вице-канцлера собрать все жалобы купцов и мореплавателей, подтвержденные «законными документами», и передать их на рассмотрение специально созданной Комиссии. Членами Комиссии стали Павел Пизани, барон Бруннов и князь Четвертинский. Следует отметить, что еще до начала русско-турецкой войны 1828-1829 гг. Воронцов объявил купцам, ведущим свою деятельность в Черноморском бассейне, что российское правительство не может ручаться за безопасность кораблей и грузов своих подданных и что суда, следовавшие с грузом через Босфор, действуют на свой страх и риск⁶.

Список претензий, поданных на рассмотрение Комиссии, был достаточно внушительным и включал жалобы купцов, у которых турецкими властями были или отняты их суда, груженные пшеницей, или же их товары были выгружены насильственно. К тому же М.Я. Минчаки, который оставался в посольстве России после отъезда посланника А.И. Рибопьера, прислал из Константинополя в Комиссию свой список претензий по торговым делам⁷. Вскоре состав членов Комиссии был изменен в связи с переводом Пизани в Яссы, где он должен был состоять при полномочном председателе Диванов. По предложению Несельроде на место Пизани был назначен уволенный из Черноморского ведомства Сиверс⁸.

С первых дней работы Комиссия была буквально завалена претензиями со стороны российского купечества и владельцев коммерческих судов. Для ведения дел в Комиссии не хватало канцелярских чиновников. К Воронцову поступали просьбы о найме письмоводителей со знанием французского, итальянского и греческого языков⁹. Летом 1828 г. к Комиссии был прикомандирован надворный советник Джани, причем жалование ему полагалось «с курсом», как бывшему сотруднику константинопольской миссии¹⁰. В штат Комиссии вошел также выпускник Ришельевского лицея Семен Шафаревский, который позже за «неусыпное старание» в работе был награжден 500 рублями и чином 12-го класса¹¹.

К 8 июля Комиссия должна была закончить свою работу по рассмотрению жалоб и претензий. Однако было принято решение обратиться к Воронцову с просьбой продлить срок приема

документов от пострадавших от произвола турецких властей, поскольку составленные к тому времени списки были далеко не полными¹². К тому же рассмотрение дел осложнялось тем, что ограбленные купцы не могли должным образом подтвердить факт своих убытков. Сиверс предлагал обращаться за нужными документами к турецким властям, что не могло оказать помощи в расследовании дел, поскольку сами турки отказывались признавать какие-либо нарушения со своей стороны¹³. Все это требовало продления работы Комиссии по крайней мере до начала осени, что должно было предоставить пострадавшим дополнительное время для сбора необходимых документов.

Список пострадавших был внушительным. Купец Георгий Сидери заявлял о двух отобраных турками судах, груженых пшеницей, купец Мавро – о понесенном уроне в 410 ефимков, купец Анатолий Лондотуло – о потере груза на 3404 испанских талера¹⁴. 2-й гильдии купец Панаги Травло представил документы об аресте его судна с пшеницей «без всякого платежа», купец Спиридон Мусури сообщал об аресте его судна и убытках на 535 с половиной испанских талеров¹⁵.

Поступали претензии и от иностранцев. Шкиперы австрийских купеческих судов Джакомо Вускович и Николо Журакович, сардинских судов – Джакомо Валле, Луиджи Капура и Томмазо Коциоло – предъявляли претензию о понесенных убытках за фрахт, потерю времени и товаров в Керченском порту. Однако, поскольку с 8 августа 1828 г. последовало распоряжение правительства о запрете вывоза хлеба из портов Черного и Азовского морей, претензии эти приняты не были¹⁶.

Одним из вопросов, вставших перед Комиссией, был вопрос о денежном курсе, в котором рассчитывались заявленные убытки. Было принято решение, что грузы, направлявшиеся в Константинополь, оценивать по цене, принятой в турецкой столице на данный момент. Убытки таганрогского купца Петрокинина, отправившего груз пшеницы в Ливорно, принято было считать по цене пшеницы в порту прибытия¹⁷. Были и более сложные случаи, которые требовали особого подхода. Так, одесский купец Рубо занимался поставкой мачтового дерева к «коро-

левско-французскому Адмиралтейству» на сумму 400 тыс. франков. Вся поставка, заявлял Рубо, была разделена на 4 груза. Первый благополучно прибыл в Тулон, второй задержан турками в Босфоре, а третий и четвертый только частично прибыли в Херсон для отгрузки. Причем последняя партия мачтовых деревьев, уже срубленных и готовых к отправке, все еще оставалась в лесу, подвергаясь порче и разграблению¹⁸. При рассмотрении данного дела Комиссия решила принять претензии только за партию, задержанную в Босфоре, хотя и признавала, что понесенные Рубо убытки включали в том числе и не отправленный из Херсона груз.

Разнообразие претензий, полученных Комиссией, недостаток документов, предъявляемых жалобщиками, медлительность делопроизводства и промедление самих пострадавших заставили еще раз продлить срок приема жалоб и претензий. 16 октября он был продлен еще на 4 недели. Все полученные Комиссией жалобы, подтвержденные необходимыми документами, были отправлены в Петербург. Уже весной 1829 г. вице-канцлер К.В. Нессельроде писал Воронцову о получении всех документов Комиссии с требованием к Порте об удовлетворении ущерба, понесенного русской торговлей после Наваринского сражения. Однако, сообщал Нессельроде, Петербургский Комитет вынужден был отказать в рассмотрении полученных претензий, поскольку они не были подтверждены должным образом¹⁹. Это касалось и тех купцов, которые не смогли подтвердить российское гражданство. Все отказы были подписаны вице-канцлером.

ОТЧЕТЫ КОНСУЛОВ

Расширению торговли в регионах Черного и Средиземного морей придавалось важное значение в Министерстве финансов России. Для составления планов торговых оборотов на будущее это ведомство обращалось в МИД, поскольку консулы и торговые агенты на местах занимались сбором сведений о навигации коммерческих судов и о продукции, производимой на подведомственных им территориях. Поскольку львиная доля всех территорий Сре-

диземноморья принадлежала Османской империи, российский посланник в Константинополе имел задание по сбору сведений коммерческого характера от консульских агентов в турецких и греческих портах и на островах Архипелага – везде, где Россия имела консульские посты. Отчеты российских представителей составлялись регулярно и аккумулировались в Коммерческой канцелярии российского посольства. Здесь они анализировались, и обобщенные сведения передавались в МИД для дальнейшей передачи в департамент внешней торговли Министерства финансов.

В январе 1844 г. Титов отчитывался перед Азиатским департаментом МИД в том, что им получены сведения о торговле от консула в Трабзоне Вебера, консула в Кандии Торона и консула в Синопе Микели²⁰. Получаемая с мест информация имела значительное влияние на развитие промышленности и сельского хозяйства России. Так, в феврале 1844 г. консул в Арианополе Фонтон сообщал о том, что в Балканских провинциях Турции начало успешно развиваться хлебопашество и эту продукцию уже вывозят в Европу²¹. Это сообщение имело целью обратить внимание российских властей на конкуренцию, которую производство балканских провинций могло бы составить вывозу российского хлеба из Черноморских портов. Иногда присылаемые отчеты носили аналитический характер – таковые, как правило, отсылал в Константинополь консул из Бейрута К. Базили. В других случаях отчеты носили литературный характер: в октябре 1844 г. Титов, составляя очередное донесение об отчете, полученном из Салоник от консула Мустакиди, отмечал, что чтение записки о торговле и промышленности Македонии и Фессалии доставило ему истинное удовольствие. «Должен сознаться, - писал Титов, - что мне едва ли случалось читать когда-нибудь меморию о левантской торговле, составленную с большей отчетливостью и дарованием»²². Посланник даже просил отметить труд драгомана Франкини, принимавшего участие в составлении записки, похвалой от Министерства.

После нескольких лет пребывания на должности генерального консула в Сербии Г.В. Ващенко был направлен в Адрианополь. В отличие

от предыдущего места службы, откуда Ващенко посылал в МИД и Константинополь аналитические записки с подробным изложением внутривосточной жизни в Сербском княжестве, Адрианопольский пашалык не отличался какой-либо внутривосточной и торговой активностью. Промышленность края, писал Ващенко, «продолжает дремотствовать». Однако Адрианопольский пашалык был известен своей Узунджовской ярмаркой, которая собирала торговцев не только из местных краев. Из России на ярмарку привозили товары через Бухарест – это были церковные и исторические книги, холст, железные замки, кадилницы, тазы – в 1845 г. общая стоимость привезенных из России товаров исчислялась 300 тыс. пиастров²³. Поскольку российские купцы почти не участвовали в торговле, она переходила в руки англичан. Основными товарами на ярмарке были пшеница, рожь, ячмень, шерсть, кожи воловьей и буйволиной, розовое масло, а также метлы и пивавки – всего на 30 млн 320 тыс. пиастров. Количество русских товаров возрастало от года к году весьма незначительно, в то время как общий оборот ярмарки увеличивался – в 1846 г. он достиг 101 млн пиастров. Продажа пшеницы росла, на что Ващенко обращал особое внимание. Товары отправлялись в порты Европы, Азии, Африки и Архипелага на многочисленных купеческих кораблях и каботажных судах²⁴.

В 1847 г. Титов получал отчеты о торговле из Бейрута от К. Базили, из Трабзона – от Дендрино, из Дарданелл – от Фонтон, из Эрзерума – от Жабы, из Адрианополя – от Ващенко, из порта Галлиполи от Христофора Зафираки Иоанну. Галлиполи являлся оживленным портом, который посещали в том числе и русские торговые суда. Фонтон сообщал о продукции фаянсовой фабрики, которая имела сбыт за границей и о торговле вином с острова Тенедос²⁵.

Эрзерум становился важным перевалочным пунктом между Константинополем и Персией, Афганистаном и Бухарой. Консул Жаба докладывал о значительных суммах, проходивших через порт ежегодно, – до 1 млн 680 тыс. голландских дукатов²⁶. Кроме торговых через Эрзерум проходили караваны паломников, следовавших на поклонение в Мекку и Иерусалим. Все эти све-

дения, поступавшие от местных консулов, становились важным материалом для российского МИД и Министерства финансов. Сбор этих данных являлся одной из важнейших функций Коммерческой канцелярии российского посольства в Константинополе.

«ВИННОЕ ДЕЛО»

Налаженная торговля России с островами Архипелага таила много сюрпризов – об этом свидетельствует т.н. «винное дело», тянувшееся на протяжении многих лет. Традиционно с греческих островов в Черноморские порты ввозились средиземноморские вина, часто сладкие, имевшие хороший сбыт в России. Консул в Дарданеллах Фонтон доносил российскому посланнику в Константинополе В.П. Титову о том, что в России особенно ценилось вино с острова Тенедос, где производилось 800 тыс. ок красного вина «отменного качества», 350 тыс. из которых отправлялось в основном в Одессу (Окка, или в документе ок,- турецкая мера измерения, где 1 ок = 1,3 л)²⁷. Красное вино являлось основным предметом экспорта Тенедоса, где находился российский торговый агент Серджио Бертинелли. Именно с винами была связана афера, получившая название «винного дела» в 1845 г.

19 января 1845 г. из департамента винной торговли российского Министерства финансов в Азиатский департамент МИД поступило секретное донесение, в котором говорилось о махинациях в торговле вином. Суть аферы заключалась в том, что французские вина, которые закупались для России, поступали сначала в порты Греции, где их переливали в другие бочки и ввозили уже как греческие под другими марками. Портвейн получал название Тенедосского вина, мадера и херес – санторинского. Поскольку они были схожи по вкусу, в выигрыше оказывалось купечество, которое платило пошлины как за дешевые греческие вина - по 24 руб. серебром за оксофт (мера жидких тел от 10 до 18 ведер) вместо 48 руб., полагавшихся за французские²⁸. Министерство финансов, терпевшее убытки, просило разобраться в этом деле через российские миссии в Греции и Турции – действительно ли происходит такая подмена и где именно она

может произойти? Титов должен был лично заниматься данной проблемой.

Российский посланник немедленно приступил к расследованию этого дела и докладывал о том, что в турецкой столице переливанием вина никто не занимался, поскольку сделать это очень трудно – все на виду. Коммерческие суда с Тенедоса, Самоса и Дарданелл прямо следуют в Черное море, не заходя в Константинополь. На всякий случай посланник сделал запрос российским консулам на о.Санторини и о.Сира (соврем. Сирос)²⁹. В ответ на полученный запрос российский консул на о.Сира Сандрини доносил, что суда с винами никогда не останавливаются на этом острове, также как и в других портах Архипелага. Эти же данные Сандрини повторил в донесении на имя поверенного в делах в Греции И.Э. Персиани, о чем тот в свою очередь докладывал Директору Азиатского департамента МИД Л.Г. Сенявину³⁰.

Одновременно российский консул в Смирне Иванов писал Титову о том, что подобные операции никогда не производились в Смирне, но вполне вероятны именно на о.Сира, поскольку торговля острова тесно связана с Марселем³¹. Иванов предлагал для прекращения махинаций обязать консульства выдавать свидетельства о происхождении вин.

Предложения Иванова оказались убедительными, о чем Титов поспешил сообщить в Азиатский департамент. В ответ своим секретным предписанием Сенявин обязал Персиани найти благонадежного человека и «точнейшим образом разведать, ...действительно ли производится таковой подлог на о.Сире или на других Цикладских островах»³². Из этого письма следовало, что донесениям Сендрини с о.Сира в МИДе не доверяли. Уже осенью того же года Персиани сообщал в секретном донесении из Афин, что новому консулу в Северной Греции надворному советнику Папаригопуло было поручено «частным и секретным образом» собрать нужную информацию, которая оказалась очень любопытной и полезной для распутывания этого дела.

Как оказалось, подлог действительно существовал и производился в нескольких местах – на о.Сира, Смирне и Константинополе. Греческие купцы, имевшие торговые дома в Одес-

се и Таганроге, при отправлении своих судов из России нагружали их пустыми греческими бочками, которые потом и наполнялись европейскими винами. Заходя потом на о. Сира, эти суда брали на борт некоторое количество греческих вин, которые и показывались на таможне³⁵. Схема выглядела следующим образом: в порту Марселя французские вина переливались в бочки, которые делились на 3 части. Две крайние наполнялись в Марселе, а средняя – в Греции, она-то и предъявлялась таможенникам в Черноморских портах³⁴

Расследование продолжалось во Франции и Греции. Российский консул в Марселе К.К. Кюстер, бывший консулом на о.Сира с 1833 по 1842 гг., и новый консул на этом посту А. Эбегард были привлечены к «винному делу». После подробного изучения всех обстоятельств Эбегард сообщал в департамент внешней торговли о злоупотреблениях в Черноморских портах. Как писал консул, он «колол не в бровь, а в глаз таможенным нашим чиновникам» за участие в данном подлоге, но не хотел бы «вооружать против себя все это царство»³⁵. Персиани поддержал предложение Иванова о выдаче консульских свидетельств о происхождении вина и опечатывании бочек печатью русского консульства. Результаты расследования были доложены в департамент винной торговли. Консул в Северной Греции Папаригопуло, предпринявший меры для установления истины, получил благодарность от Директора Азиатского департамента³⁶. Министр финансов, обращаясь к Нессельроде, указывал на тот ущерб пошлинного сбора, который следовал за ввозом в Одессу французских вин под видом греческих.

Если из Греции в Россию везли сладкие вина, которые пользовались большим спросом, то в Малороссии в это же время возник избыток «хлебного вина», т.е. водки. Министр государственных имуществ П.Д. Киселев обратился к Нессельроде с просьбой поручить российским консулам Средиземноморского бассейна выяснить цены и пошлины на производимый в Малороссии продукт, а также спрос на него³⁷.

Когда подобный запрос поступил российскому посланнику, тот был вынужден разо-

чаровать начальство – местная виноградная водка была дешевой, вследствие чего вряд ли можно было ожидать сбыта хлебного спирта из России³⁸. Коммерческая канцелярия российской миссии представила подробный отчет о продаже крепких напитков в турецкой столице. Из него следовало, что из Англии, Голландии и Америки в Константинополь привозится джин, который продается по 15-20 пиастров за кружку. Однако турки, греки, армяне и евреи, составляющие население города, не употребляют этого напитка, который имеет сбыт только среди европейцев и моряков. Это же касается и виноградной водки, привозимой с греческих островов. Хлебный же спирт, производимый в России, вовсе не употребляется в Константинополе³⁹.

Не более утешительны были сведения из других регионов Средиземноморья. Генеральный консул в Бейруте К. Базили направил Титову подробный отчет в ответ на запрос о возможности продажи в Сирии хлебной водки. Он сообщал, что только одной трети всего сирийского населения дозволено по духовному закону употребление крепких напитков. Южные народы, писал Базили, арабы в особенности, любят напитки сладкие, а кроме того, сами выделывают отличную виноградную водку. Кроме того, местное население получает более привычную водку с Кипра. Привозимые из Европы ром и ликеры имеют спрос только среди европейцев и евреев из России. «Что же касается до джина и хлебных водок, то редкий купец выпишет два или три ящика для проезжих путешественников или для моряков». Таким образом, вряд ли можно надеяться на развитие водочной торговли России с Сирией⁴⁰.

Аналогичные сведения были получены от консулов из Греции – от Папаригопуло из Сиры, Эбегарда из Негропонта и Калогераки из Патраса, а также из Солоник. Все эти отзывы стекались к Персиани в Афины⁴¹. Генеральный консул в Египте Фон Фок подтверждал, что виноградную и финиковую водку употребляют все левантийцы, копты и даже арабы: в одном Каире употребляется ежегодно до 200 тыс ок. Но «хлебное вино» вряд ли будет иметь сбыт, подобный опыт уже был предпринят шведски-

ми купцами. После собранных ими сведений о перспективах такой торговли шведы отказались от нее, поскольку дальнейшее расстояние и отсутствие привычки к напитку не сулили никакого барыша⁴².

Таким образом, можно говорить о том, что винная торговля в России была импортной. Обратное движение в виде торговли крепкими напитками из Малороссии не представлялось возможным ввиду отсутствия на них спроса у местного левантийского населения. Российское купечество, искавшее новые статьи сбыта через Черноморские порты, должно было признать нецелесообразность подобного предприятия и отказаться от него.

Начало черноморской торговли России в конце XVIII в. тесно связано с внешнеполитическими успехами российского государства, присоединением южных территорий, строительством коммерческого флота и экономическим развитием Новороссийского края. Наиболее развитыми торговыми связями отличались отношения с Турцией и островами греческого Архипелага, а после 1830 г. – собственно с Греческим государством, получившим независимость. Баланс русской торговли через черноморские порты с самого начала торговых операций был положительным – Россия вывозила в Средиземноморские страны больше, чем завозила из Турции, Греции и островов Архипелага. Несмотря на уже сложившиеся коммерческие связи именно с этим регионом, российские купцы стремились расширить свои контакты, выйти на новые рынки. Большой интерес вызывал Египет и те лекарственные продукты, которые могли заинтересовать российское купечество.

Безусловно, на протяжении второй половины XVIII и первой половины XIX века черноморская торговля не отличалась большими объемами и стабильностью. Русско-турецкие войны не раз прерывали плавание коммерческих судов, но всякий раз черноморская торговля восстанавливалась в прежних объемах и развивалась, чему способствовали рост экономики Новороссийского края и возрастание экспорта южнорусской пшеницы.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Яковкина Н.И. Франко-русские торговые отношения в начале XIX века//Вестник ЛГУ. Л. 1965. №2. Вып.1. С. 75.
- ² Караджа Ф.К. Вопросы развития черноморской торговли после Кучук-Кайнарджийского мира (1774-1787 гг.)//Россия и Юго-Восточная Европа. Кишинев. 1984. С.41.
- ³ Сироткин В.Г. Возобновление франко-русского торгового трактата 1787 г. в 1802 г.//Франко-русские экономические связи. М. - Париж. 1970. С. 196.
- ⁴ Шапиро А.Л. Средиземноморские проблемы внешней политики России в начале XIX в.// Исторические записки. М. 1956. Т. 55. С. 358; Головки Ю.И. Проекты развития черноморской торговли (последняя четверть XVIII-начало XIX в.)//Современные вопросы источниковедения и историографии. СПб. 2014. С. 101.
- ⁵ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. ГА-V-B1. Оп. 188/5. Д. 47. Л. 1а. К.В. Нессельроде М.С. Воронцову. 18 февраля 1828 г.
- ⁶ Там же. Л. 76.
- ⁷ Там же. Л. 12. К.В. Нессельроде М.С. Воронцову. 24 марта 1828 г.
- ⁸ Там же Л. 35. К.В. Нессельроде М.С. Воронцову. 3 апреля 1828 г.
- ⁹ Там же. Л. 57. Из Комиссии М.С. Воронцову. 2 мая 1828 г.
- ¹⁰ Там же. Л. 216. К.К. Родофиникин М.С. Воронцову. 24 июля 1828 г.
- ¹¹ Там же. Л.358 с об. Из Коиссии М.С.Воронцову. 17 января 1829 г.
- ¹² Там же. Л. 183. Из Комиссии М.С. Воронцову. 8 июля 1828 г.
- ¹³ Там же. Л. 188. Сиверс М.С. Воронцову. 31 мая 1828 г.
- ¹⁴ Там же. Л. 30б-4.
- ¹⁵ Там же. Л. 269-270. Козлов (таганрогский градоначальник) М.С. Воронцову. 18 августа 1828 г.
- ¹⁶ Там же. Л. 285-288. Из Комиссии М.С. Воронцову. 19 сентября 1828 г.
- ¹⁷ Там же. Л.299.
- ¹⁸ Там же. Л.300.
- ¹⁹ Там же. Л.348. К.В. Нессельроде М.С. Воронцову. 10 апреля 1829 г.
- ²⁰ АВПРИ. Ф. ГА II -3, оп. 34 Д. 4 (1841). Л.24-26. В.П. Титов Л.Г. Сенявину. 21 января 1844 г.
- ²¹ Там же. Л. 32. В.П. Титов Л.Г. Сенявину. 14 февраля 1844 г.
- ²² Там же. Л. 35. В.П. Титов Л.Г. Сенявину. 24 октября 1844 г.
- ²³ Там же. Л. 45 об. Г.В. Ващенко В.П. Титову. 12 декабря 1845 г.

- ²⁴ Там же. Л. 47 об.
²⁵ Там же. Л. 65. Фонтон В.П. Титову. 28 января 1848 г.
²⁶ Там же. Л. 79.
²⁷ Там же. Д.1 (1848-50). Л.65 с об.
²⁸ Там же. Д.3 (1845). Л.1-2. Департамент винной торговли в Азиатский департамент. 19 января 1845 г. Секретно.
²⁹ Там же. Л. 5 с об. В.П. Титов Л.Г. Сенявину. 19 февраля 1845 г.
³⁰ Там же. Л. 8. И.Э. Персиани Л.Г.Сенявину. 28 апреля 1845 г. Секретно.
³¹ Там же. Л. 14 об. Иванов В.П.Титову. 7 марта 1845 г.
³² Там же. Л. 16. С об. Л.Г. Сенявин И.Э. Персиани. 2 июля 1845 г. Секретно.
³³ Там же. Л. 19 с об. И.Э. Персиани Л.Г. Сенявину. 20 октября 1845 г. Секретно.
³⁴ Там же. Д. 8 (1853). Л. 3 об. Министр финансов К.В.Нессельроде. 18 февраля 1853 г. Дело, подлежащее хранению на вечные времена.
³⁵ Там же. Д.8 (1853). Л. 9. А. Эбегард Л.Г. Сенявину. 2 апреля 1853 г.
³⁶ Там же. Д. 3 (1845). Л.2 об. Л.Г. Сенявин И.Э. Персиани. 3 октября 1845 г. Секретно.
³⁷ Там же. Д. 3 (1847). Л. 1-2. П.Д. Киселев К.В. Нессельроде. 23 августа 1847 г.
³⁸ Там же. Л. 6 об. В.П. Титов Л.Г. Сенявину. 14 октября 1847 г.
³⁹ Там же. Л. 7 об.
⁴⁰ Там же. Л. 13 с об. К. Базили В.П. Титову. 6 ноября 1847 г.
⁴¹ Там же.
⁴² Там же. Л. 36 об. Фон Фок В.П. Титову. 21 декабря 1847 г.

ИСТОЧНИКИ И БИБЛИОГРАФИЯ

1. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Ф. ГА-V-B1. Оп. 188/5. Д. 47; Ф. ГА II -3, оп. 34 Д. 4 (1841), Д.1 (1848-50), Д.3 (1845), Д. 8 (1853), Д. 3 (1845), Д. 3 (1847).
2. Головки Ю.И. Проекты развития черноморской торговли (последняя четверть XVIII-начало XIX в.)//Современные вопросы источниковедения и историографии. СПб. 2014. С.83-107.
3. Караджа Ф.К. Вопросы развития черноморской торговли после Кучук-Кайнарджийского мира (1774-1787 гг.)//Россия и Юго-Восточная Европа. Кишинев: Штиница, 1984. С. 39-45.
4. Сироткин В.Г. Возобновление франко-русского торгового трактата 1787 г. в 1802 г.//

Франко-русские экономические связи. М.: Наука. - Париж. 1970. С. 189-233.

5. Шапиро А.Л. Средиземноморские проблемы внешней политики России в начале XIX в.// Исторические записки. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 55. С. 253-288.
6. Яковкина Н.И. Франко-русские торговые отношения в начале XIX века //Вестник ЛГУ. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1965. № 2. Вып.1. С. 72-88.

REFERENCES

1. Arhiv vneshnej politiki Rossijskoj imperii (AVPRI). F. GA-V-B1. Op. 188/5. D. 47; F. GA II -3. Op. 34. D. 4 (1841), D.1 (1848-50), D.3 (1845), D. 8 (1853), D. 3 (1845), D. 3 (1847).
2. Golovko U.I. Projekti razvitija chernomorskoj trgovli (poslednaja chetvert XVIII-nachalo XIX v.) [The projects of Black sea trade (the last quarter of XVIII- the beginning of XIXth)]// Sovremenije voprosi istochnikovedenija I istiriografii [Modern questions of source studies and historiography]. S-Petrburg. 2014. (In Russ.).
3. Karadza F.K. Voprosi razvitija chernomorskoj trgovli posle Kuchuk-Kajnardzijskogo mira (1774-17870) [The questions of the development of Black sea trade after the peace of Kucuk-Kaynardzi (1774-1787)]// Rosija I jugo-vostochnaja Evropa. [Russia and the South-Eastern Europe]. Kishinev. 1984. (In Russ.).
4. Sirotkin V.G. Vozobnovlenije franko-russkogo trgovogo traktata 1778 v 1802 [Resuming of the trade treaties of 1778 in 1802 between Russia and France]/Franko-russkije ekonomicheskije svazi [Economic communications between Russia and France]. Moscow-Paris. 1970. (In Russ.).
5. Shapiro A.L. Sredizemnomorskije problem vneshnej politiki Rossii v nachale XIX veka [The problems of Russian foreign policy in Mediterranean in the beginning of XIX th// Istoricheskije zapiski [Historical notes]. Moscow 1956. Vol. 55.
6. Yakovkina N.I. Franko-russkije trgovije otnoshenija v nachale XIX veka [Trade relations between Russia and France in the beginning of XIX]/Vestnik LGU [Bulletin of the Univercity of Leningrad]. 1965. №2. M. V.1. (In Russ.).

**THE BEGINNING OF MEDITERRANEAN TRADE OF RUSSIA
(TO THE 250th ANNIVERSARY OF KUCHUK-KAINARJI PEACE TREATY)**

© 2024 E.P. Kudriavtseva

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences

The Black Sea trade was extremely important for the development of the economy of the Russian state after Crimea and the Northern Black Sea region became parts of the empire. After Russia concluded the first trade agreements with France, Turkey, Italy and the Septinsular Republic, Black Sea trade received new opportunities. The success of the further development of Black Sea trade largely depended on the construction of ships, which reached a new level after the establishment of new ports in Crimea and in the Azov region. The success of the further development of Black Sea trade largely depended on the construction of ships, which reached a new level after the establishment of new ports in the Crimea and the Azov region. The Ottoman Empire remained Russia's main trading partner, despite the fact that Orthodox Greece and the islands of the Archipelago played an increasingly important role in trade. After Greece gained independence in 1830, trade began to develop with this state, whose merchant ships had long transported Russian goods, and whose sailors were considered the most experienced in the entire Mediterranean.

Keywords: Black Sea, trade, Crimea, ports, Turkey, Mediterranean.

DOI: 10.37313/2658-4816-2024-6-2-83-91

EDN: GQVEZ